

УДК 398.23(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ
ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМЫ «НАРОД»
В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
РУССКОГО АНЕКДОТА

IDEOLOGICAL WORD “PEOPLE”
AS CARNIVALIZATION
IN RUSSIAN ANECDOTES

Аннотация. Описывается вербализация идеологического концепта «народ» в текстах русского анекдота, исследуются автостереотипы русского этноса в смеховом контексте, делается вывод о том, что национальный характер по данным речевого жанра анекдота совпадает с национальным характером в целом.

Ключевые слова: народ, анекдот, лингвоидеологема, менталитет, национальный характер, карнавализация.

Abstract. The verbalization of the ideological word “people” in Russian anecdote texts is described, and the Russian ethnic self-stereotypes in humoristic context are studied. It is concluded that the Russian national character after anecdote data corresponds to the Russian national character as a whole.

Key words: people, anecdote, ideological word, mentality, national character, carnivalization.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевода.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of Science-tech Translation Department.

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Понятие «народ» на протяжении, как минимум, ста лет русской истории отличается особой «пафосностью» и демагогическим потенциалом – именно к его благу обращается любая российская власть для оправдания своих деяний, как добрых, так и злых.

Слово «народ» крайне двусмысленно и в силу этой двусмысленности в политическом дискурсе активно используется в манипулятивных целях.

Все это не могло не вызвать в массовом обыденном сознании желания как-то снять пафосное напыление с этого понятия и спустить его с идеологического Олимпа на грешную землю, что и осуществляется путем его карнавализации: временного отступление от высоких и общепринятых идеалов, инверсии социальных структур. В «карнавальных метаморфозах» присутствуют практически все виды комического и используются почти все приёмы его создания: ирония и самоирония, насмешка и насмешка над собой, сарказм, гротеск, парадокс (о карнавализации универсалий духовной культуры – счастья, любви, родины, справедливости см. [1 : 169–180; 2 : 217–240; 3 : 191–201, 223–229]).

Материалом для описания «смехового» подхода к лингвоидеологеме «народ» послужили тексты бытового анекдота, взятые из соответствующих сборников и Интернета¹.

Российской анекдот в последнее время был объектом пристального внимания лингвистов (см. [4–11 и пр.]), уже изучены его речевые свойства и выделены предметные области его бытования, задаваемые не в последнюю очередь действующими в нем персонажами: анекдоты о Вовочке, Чапаеве, Штирлице, поручике Ржевском, политических деятелях, представителях национальностей, сумасшедших, дистрофиках, наркоманах и пр.

Анекдоты о народе, естественно, лучше всего вписываются в рубрику этнических анекдотов, в которых карикатуризируются как отрицательные, так и положительные свойства национального характера, взятого как самого по себе, так и на фоне другого народа. Русский народ в них чаще всего фигурирует в образе своих отдельных представителей: просто русских, «новых русских», му жиков, работяг и пр., а речь идет об их отношениях с властью, друг с другом и с представителями других национальностей.

В анекдотах высмеиваются тупость, холлопство, показушность и невежество вла-

¹ Рубис О. Г. Анекдоты. Сборник : А вас... я попрошу остаться. М., 1997 ; Гутин В. Г. Корабль дураков, или Афоризмы житейской мудрости : От А до М. М., 2004; а также сайты Рунета wikiquote.org/wiki, anekdot.ru, youfrase.ru, libreria.ru, liveinternet.ru.

стей, а также податливость подвластного народа: «*Рабочий* каждый день приносит с собой на завод завтрак – бутерброд с килькой. Однажды к нему подошел *секретарь парткома*: – Завтра завод посетит иностранная делегация, так что ты, Иванов, возьми из дому что-нибудь получше! Назавтра Иванов на глазах иностранцев развернул и съел бутерброд с черной икрой! – Молодец, не подкачал! – говорит ему потом секретарь. – Как это тебе удалось достать черную икру? – Всю ночь не спал, глаза из килек выковыривал».

В анекдотах о самом себе русский народ иронизирует над собственной простотой, которая, как известно, хуже воровства, ленью, тягой к зеленому змию, завистливостью, бедностью, бесхозяйственностью и невежеством: «Как повысить цены так, чтобы *народ* одобрил? – Очень просто. Сначала нужно объявить, что цены будут повышены в три раза. *Народ* станет возмущаться. Затем нужно повысить цены на 50 процентов. *Народ* вздохнет с облегчением и скажет: “Как хорошо!”»; «Встречаются два *мужика*: – Иван, а что это у вас пшаница не растет? – Дык не содим ведь! – А че не содите? – Дык не растет!»; «А вы тоже лежите на гвоздях? – допытываются корреспонденты у *российского* йога. – А то! Как выпьешь, так на чем только не валяешься: на гвоздях, на битых бутылках, под забором, в луже»; «Простите, вы *русский*? – Судя по зарплате – да»; «Что такое *русский* бизнес? – Украсть ящик водки, водку продать, деньги пропить».

Само собой разумеется, в этих анекдотах в полном соответствии с жанром речь идет исключительно об отрицательных чертах русского национального характера.

Значительный пласт современного русского фольклора представлен соревновательными, «агональными» анекдотами: «Встретились как-то русский, американец, англичанин, француз, поляк и пр...». Русский протагонист этих встреч, достойный наследник сказочного Ивана-дурака, выигрывает в любом споре и побеждает в любом соревновании, проявляя удаль молодецкую и русскую смекалку, но в победах этих ощущается явная самоирония: «Три солдата соревнуются в меткости стрельбы. *Англичанин* попал из винтовки в спичечный коробок на расстоянии 200 метров. *Француз* попросил подбросить две монеты и двумя выстрелами попал в них. *Русский* стоял, смотрел по сторонам, потом поднял голову: – Слышите, комар летит? – Слышим. Русский выстрелил, но комариный писк продолжался. – Не попал, летает! – радостно закричали все. – Летать-то он будет, а вот размножаться –

никогда!»; «Спорят *француз, англичанин и русский*, у кого жена стройнее. *Француз*: – Я покупаю галстук, а жена из него делает себе платье. *Англичанин*: – А моя жена недавно мылась в ванне и случайно открыла пробку, так ее чуть не утянуло в трубу. *Русский*: – А я вот уйду на работу, хлопну свою жену по задку, а когда прихожу домой – зад еще колыхнется. – А к чему вы это рассказали? – К тому, что в нашей стране самый короткий рабочий день!»; «Поймали дикари *немца, француза, русского и американца*. Говорят пленникам: “Прежде, чем вас сожрать, мы исполним ваши последние желания”. *Немец* захотел пива. Дикари обшарили все джунгли – принесли ему кружку баварского пива. Потом его съели. *Француз* захотел женщину. Короче, тоже было исполнено. И потом тоже был съеден. Настала очередь *русского*. – Твое последнее желание? – Дайте мне пинка под зад. – И больше ничего?!?! – Только пинка под зад... Вождь дал Ваньке пинка под зад. Ванька из-под полы достает “Калашникова” и все племя косит... Американец спрашивает у русского: мол, почему же ты не вступился, когда убивали немца и француза. На что русский ответил: – *Русские люди* – мирные люди. Нас не трогают – и мы не трогаем».

«Россия – Родина приоритета» – в этих анекдотах высмеивается стремление русского этноса первенствовать во всем: «Кто изобрел рентген? – В XXII веке его уже знал русский приказный Иван Пушкив. Согласно летописи, он говаривал своей жене Марфе: “я тебя, стерва, насквозь вижу!”»; «В зарубежной печати можно встретить утверждения, будто закон всемирного тяготения изобрел англичанин Ньютон, – говорит лектор. – Однако еще задолго до Ньютона закон этот действовал на Руси»; «Англичанин: “У нас в раскопках XVIII века нашли кусок проволоки, что говорит о существовании проволочного телеграфа”. Русский: “А у нас ничего не нашли, что говорит о существовании беспроволочного телеграфа”.

В агональных анекдотах наблюдается своего рода этическая конверсия – «родные пороки» (тяга к зеленому змию, «раскрепощенное» отношение к чужой собственности») превращаются чуть ли не в достоинства: «Поймали туземцы на острове русского, француза и американца. Говорят: тот из вас будет жить, кто выпьет наше зелье, выколет глаз дракону, живущему в пещере; и изнасилует нашу женщину. Глотнул американец зелья – загнулся. Француз выпил этой дряни и пошел к дракону – тот его и сожрал. Выпил русский ведро их зелья, пьянувший залез в пещеру – оттуда вой, грохот, крики. Через

полчаса выходит и говорит: «Ну, где та баба, которой надо глаз выколоть?»»; «Поспорили *русские, англичане и французы*, кто дольше в холодильнике просидит. Англичане взяли с собой карты, виски и залезли. Просидели день – не выдержали и вылезли. Французы взяли вино и баб. Просидели два дня и тоже вылезли. *Русские* взяли самогон и закуску. Неделю сидят, вторую. Думают, замерзли они там, надо посмотреть. Открывает человек дверь, а ему пинок по морде и дверь снова закрывается. Голос из рефрижератора: – Ваня, за что ты его? – Тут и так холодно, а он еще дверь открывает!»

Недостатки родного быта здесь сказочным образом превращаются в преимущества: «Американец, англичанин и русский хвалятся прочностью своей резины. – У нас один упал с 100-го этажа, – говорит американец. – К счастью, он приземлился на ноги, подошвы спружинили, и он снова взлетел на 100-й этаж. – У нас один отплыл на корабле, – говорит англичанин. – Когда корабль отошел от порта на 100 миль, его потянуло назад и притащило обратно в порт. Оказалось, что наш путешественник зацепился подтяжкой за причал. – А у нас один в лифт свалился. Сам – вдребезги, а галоши целы».

В конце XX в. от бывшего «советского народа» путем партеногенеза отделилась еще одна нетрадиционная часть: «новые русские (украинцы, казахи и пр.)», и русский народ «обновился».

«Новые русские» – нувориши, внезапно разбогатевшие и прыгнувшие из грязи в князи представители собственно народа (не-элиты), породили на сегодняшний день, пожалуй, наиболее объемный цикл анекдотов. Вчерашний «собственно народ», в одночасье ставший экономической элитой и сохранивший отнюдь не-элитные привычки и черты характера, у «старых русских» вызывает смешанные чувства: зависть, гордость, одобрение и осуждение – ведь все это мы, которым повезло.

Высмеивается их опереточный «прикид»: малиновый пиджак, золотая цепь на шее, кольца («гайки»), сотовый телефон: «Приезжает *новый русский* с Ривьеры и рассказывает браткам: – Думал я, думал, как на народ впечатление произвести, ну и решил с аквалангом поплавать. Ну одел я акваланг, поплавал, вышел на берег, и тут все от меня просто притащились!!! – А чего так? – Ну, вы же знаете мой прикид: малиновый пиджак, зеркальные очки, сотовый телефон»; «Умер *новый русский*. Лежит в гробу. Пальцы в кольцах, на шее цепь – сенбернара удержит, ну и все остальное в

том же духе. Проходит мимо старушка, смотрит на него и говорит: – Живут же люди»; «Какой компьютер у *нового русского*? – 600-й Pentium, малиновый монитор и клавиатура на два пальца».

Высмеиваются бескультурье, бездуховность и невежество «новых русских»: «*Новый русский* достал плошку, туда налил воды, ароматических масел, лепестки розы положил, травы разные. Час держал там руки, полоскал. Потом достал пилку, поточил ногти со всех сторон. Тоже около часа. После этого стал покрывать ногти бесцветным лаком, чтоб блестели. Еще час угробил. Потом, после 3-х часового маникюра, лег спать. Утром встает – под ногтями грязь и воняют пальцы. Посмотрел он на это дело и говорит: – Мля!!! Опять во сне чесался!!!»; «Привел *новый русский* к себе в особняк другого нового русского и чтобы как-то его развлечь, решил показать свою картинную галерею. – Слышь, братан, а кто автор этой картины? – Пикассо или Паджеро, не помню. – А чего ж ты покупаешь и автора не помнишь? – Да так замотался, купил в один день эту картину и джип»; «*Новый русский* приходит в книжный магазин: – Мне, пожалуйста, книжку, “30 щенков”. – Что, что? – Книжка, называется, “30 щенков”, дочка просила очень... – У нас нет, наверное, что-то я не знаю такой, а кто автор? – Да вот тут дочка написала что-то такое... Смотрят – написано “ЗОЩЕНКО”»; «Сидят двое *новых русских* в концертном зале, слушают. – Слышь, это Бах или Бетховен? – Не знаю, он к нам спиной стоит»; «Летит *новый русский* на самолете в Германию. Стюардесса объявляет: – Наш самолет через несколько минут приземлится в городе Баден-Баден. *Новый русский* (недовольный голос, распальцовка): – Ну, в натуре, что два раза-то повторять? Не лохи же летят»; «*Новый русский* покупает Рембрандта и спрашивает: – А гарантия есть, что это не поддельный Рембрандт? – Да, есть, три года!!!».

Высмеиваются их тупоумие, жадность и алчность, пресыщенность, толстокожесть, бездушность и показушность: «Какие десять лет жизни *нового русского* самые трудные? – С первого по пятый класс»; «*Новый русский* купил телевизор. Привозит домой, включает... Телевизор не налажен и показывает в черно-белом изображении. Новый русский стучит по нему кулаком и орет: – Ну, в натуре, кругом жулье! Вчера в мерс бензин недозаправили, сегодня в телевизор краски не налили!»; «Приходит как-то *новый русский* к себе на фирму и обращается к своему коммерческому директору: – Ты знаешь, Федя, а я ведь гений!!! – С чего это ты взял? –

Да вот конструктор себе купил. На нем написано «От 3-х до 7-и лет», а я всего за месяц собрал!»; «Сидят значит два *новых русских* за столом в ресторане, ну один другому и говорит: – Люблю, когда цветы на столе стоят. – Ты че, вегетарианец?»; «*Новый русский* сидит на банкете. Все сожрал, из глотки лезет, но все равно, давится, но ест. Рядом англичанин вилкой что-то ковыряет. Русский: – А что это вы не едите ничего? Англичанин, надменно: – А я ем, когда мне хочется. – Как скотина, что ли?»; «Встречаются двое *новых русских*: – Слушай, в натуре, такой “Мерседес” себе на заказ сделал – отпад! Колеса платиновые, корпус золотой, руль алмазами инкрустирован, сиденья – из крокодиловой кожи, панелька изумрудная... – Класс! И скорость, наверно, офигительная? – А я не езжу – бензина много жрет, собака!»; «Купил *новый русский* золотой телевизор. Приходят к нему его дружки, тоже новые русские, посмотрели на это дело и спрашивают: – Слушай, так как этот телевизор смотреть? Он им отвечает: – Э, братки, этот телевизор не смотреть, а показывать надо!»; «Как-то раз въехал *новый русский* на своем “Мерседесе” в столб на скорости 100 км/ч. Сидит: – Емое, мой новый “Мерседес”, о-о-о, мой новый “Мерседес”, о-о-о... Друг ему: – Вась, глянь, у тебя ж руки нет!!! – О-о-о, мой новый “Ролекс”!»; «*Новый русский*, пресытившийся жизнью, все видевший и все имеющий, загорает на пляже и вдруг видит в воде золотую рыбку, цап ее и говорит: – А ну-ка, придумай мне три желания!».

Конечно, себе мы все прощаем и к некоторым «слабостям», созвучным нашей широкой душе, – купеческому размаху, неумению и нежеланию считать деньги и прочим проявлениям русского максимализма – относимся вполне снисходительно: «*Новый русский* с дамой заходит в ювелирный салон. Пока дама выбирает украшения, *новый русский*, скучая, стоит в сторонке – вертит на пальце ключи от “Мерседеса”. Проходит полчаса. Дама бежит от витрины к витрине, выбирая себе драгоценности. Новый русский (обращаясь к продавцу): – Слышь, ты, мужик, давай заверни мне вот ту витрину, еще ту, и эту – пусть дома разбирается, а то меня, блин, братаны в казине ждут»; «*Новый русский* посидел в ресторане, неплохо набрался, решил ехать домой. Свой джип жалко по пьяни бить – ловит тачку. Поймал первую попавшуюся – троллейбус и говорит водителю: – Гони домой! – Куда? – В Зеленоград! – Дык как я туда доеду – проводов туда нет? – На тебе тысячу баксов и вези: Водитель быстро нашел где-то аккумуляторов, присобачил, едут. Подъезжают к Зеленогра-

ду. Водитель: – Дальше ехать не могу – видал, как все перекопано. Новый русский мутными глазами смотрит в окошко, бьет себя по лбу: – Блин! Это же я вчера домой на метро возвращался!»; «Два *новых русских* приходят в автосалон, выбирают себе “Мерседесы”. – Мне вот этот, этот, этот... И вот этот... Надо расплачиваться. Один достает пачку денег, а другой ему и говорит: – Слушай, братан, ты же за такси платил»; «Один *новый русский* другому: – Я себе шестисотый “Мерседес” взял. – А ну покажи. Заходят в гараж. – Первый, второй, 600!»; «Приезжает *новый русский* на роскошный курорт. Выходит из поезда... на лыжах! Тут ему и говорят: – Вы что, у нас же здесь снега отродясь не было, даже в ледниковый период! – Фигня, снег приезжает следующим поездом».

Высмеиваются занудство и доверчивость «новых русских»: «Приходит *новый русский* в магазин и спрашивает у продавщицы: – А это у вас что? – Яблоки. – Дайте мне 10 кг и каждое в отдельности заверните. – Но мы так не делаем, и плюс это будет дороже стоить. – Я заплачу. Бедная продавщица выполняет заказ. – А что это там у вас еще? – Апельсины. – Взвесьте мне 10 кг и заверните каждый отдельно. – Но это же будет дороже! – Ничего, я заплачу. Действия повторяются. – А чего это там у вас еще? – Изюм, но он не продается»; «*Новый русский* входит в магазин и спрашивает красной материи, очень четко выраженного красного цвета, чтобы была не слишком толстая, не слишком тонкая. Одну за другой продавщица приносит ткани, перечисляет цены, расхваливает качество; все прилавки завалены горами тканей. Прошел час, наконец, *новый русский* нашел то, что искал. – Сколько метров? – спрашивает продавщица. – Вы знаете, я привез из-за бугра куклу, так у нее язычок куда-то потерялся».

Высмеиваются даже редкие приступы милосердия нового русского: «*Новый русский* выходит из тачки и идет к офису. Навстречу ему – старушка. Согнулась, старая, в три погубели, еле ноги волочит, а в вытянутой руке – кружка. В голове нового русского мгновенно пронесется: “Одинокая старость... инфляция... рыночные цены... нищенская пенсия...” Ему вдруг становится жалко старушку, он нащупывает в кармане завалившийся металлический столик, вынимает его и бросает в кружку. И неожиданно слышит истошный вопль старушки: – Иро-о-о-од! Ты мне что в сметану кинул?!?».

Высмеивается и факт самоуничтожения нового русского: «*Новый русский* в Испании

на отдыхе ужрался и отправился смотреть корриду. Естественно, купил места на первый ряд. В середине представления от выпитого и жары уснул и свалился на арену. Очнулся – бык прет прямо на него. Быстро снимает пиджак, золото и зарывается в песок. Бык брезгливо обнюхивает его и уходит. После представления нового русского спрашивают: – Как вы так быстро догадались, что надо снять красный пиджак и все остальное? – Так ведь бык умный, он на людей не кидается».

Происхождение достатка, билет на вход в экономический элитный клуб нового русского жестко связывается с криминалом: «Журналист берет интервью у *нового русского*, крупного бизнесмена: – Как к вам пришли первые деньги? – Как вам сказать... Кстати, это ваш кошелек?»; «*Новый русский* покупает квартиру и спрашивает: – А это тихая квартира? – Очень тихая! Предыдущего владельца пристрелили, так никто и не услышал!»; «*Два новых русских* встречаются после долгой разлуки. – Ты кем работаешь? – Да вот, понимаешь, киллером. А ты? – А я банкир теперь. – Хм... Ну, тогда еще встретимся!»; «Приходит *новый русский* в туристическое бюро. Как положено, раскатал пальцы, сделал скучную рожу, все дела... Ну, к нему тут же подбегает менеджер: – Чего изволите? – Отдохнуть я собрался. Хочется чего-нибудь крутого. – Может быть, желаете на Багамы? – Не-е. Это уже было. Хочу что-нибудь особое. Сам понимаешь, братишка, надо отвлечься от проблем, от работы. – Да, да, понимаю. Ну... хотите в Альпы? – Да не-е. Тоже было! – Я знаю, что вам нужно – САФАРИ. – А это как? – На джипе покатаетесь, постреляете... – Это как на работе, что ли?!»; «Пасха, встречаются два *новых русских*: – Христос воскрес! – Мля, базара нет, что делать будем?! Снова шлепнем или пока на бабки поставим?».

Основным средством создания комического эффекта в анекдотах о «новых русских» выступает игра слов, основанная на полисемии: «*Новый русский*, с трудом осилив книгу “Анна Каренина”, понял, что на богатых *наезжали* еще в XIX веке»; «В чем сходство *нового русского* и картофеля? – Или весной *посадят*, или осенью *уберут!*»; «Изготовлен специальный конструктор для детей *новых русских*: “Разборки”»; «Один *новый русский* разговаривает с другим: – Ты че, правда что-ли взял дом престарелых под крышу? – Ну. – А с какой стати-то? – А мне сказали, там *бабок* немеряно»; «Жил *новый русский* на девятом этаже и все время пешком ходил. На вопрос, почему он

лифтом не пользуется, отвечал: – Ага, чтобы эта *деревяшка* меня каждый день *опускала!*»; «Идут двое *новых русских* к третьему на день рождения. Тут один из них вспоминает, что именинник ему звонил и просил купить петрушки, укропа и прочей *зелени* для салата. – Погоди, – говорит, – Серега просил ему *зелени* купить. – Нет проблем! Сейчас в ближайшей обменке курс глянем»; «Звонит *новый русский* домой: – Але, тетя Катя, мне б с мамой поговорить! – Да она по хозяйству вышла – с топором на *крышу* полезла. – С топором! На *крышу!* Ну у вас и беспредел!»; «Встречаются два бывших одноклассника. Один *новый русский*, другой кроликовод. Новый русский: – Здорово, Вася, как дела, чем занимаешься? – Да ничего, вот кроликов *разводим*. – Ну ваще! Надо братве рассказать! Кроликов мы еще не *разводили!*»; «Заходит мужик к соседу – *новому русскому*, и говорит: – Слушай, почему твой *козел* в моем огороде капусту нюхает? – Потому что *козел*. Не знает, что деньги не пахнут»; «Подходит раз спортсмен к *новому русскому* и говорит: – Вот вы, например, *за сколько* пробежите 100 метров? Тот думал, думал и говорит: – Баксов за пятьсот, не меньше!».

Если внимательно всмотреться в образ нового русского народа, создаваемый в анекдотах о новых русских, то, по большому счету, можно убедиться в сермяжной правоте соответствующего анекдота: «Знаешь, чем отличаются *новые русские* от старых? – Старые в носу пальцем ковырялись, а новые антенной мобильного телефона» – за исключением малинового пиджака и прочих внешних атрибутов менталитет нового русского по отношению к менталитету русского вообще («старого») особых изменений не претерпел: это все тот же купеческий размах («максимализм»), вороватость, любовь к халяве и выпивке, доверчивость, низкий уровень общей культуры, любовь к пусканию пыли в глаза, противоречивость характера – щедрость и жадность, тупость и сообразительность и пр. Что называется, новые русские от ворон отстали, а к павам не пристали.

Таким образом, наблюдения над функционированием лингвоидеологемы «народ» в российском анекдоте позволяют прийти к следующим выводам.

Анекдоты о народе, естественно, лучше всего вписываются в рубрику этнических анекдотов, в которых карикатуризируются как отрицательные, так и положительные свойства национального характера, взятого как самого по себе, так и на фоне другого народа.

В анекдотах о самом себе русский народ иронизирует над собственной простотой, ленью, тягой к зеленому змию, завистливостью, бедностью, бесхозяйственностью и невежеством.

Значительный пласт современного русского фольклора представлен соревновательными, «агональными» анекдотами, где высмеивается стремление русского этноса первенствовать во всем, где наблюдается своего рода этическая конверсия – «родные пороки» превращаются чуть ли не в достоинства, а недостатки родного быта здесь сказочным образом превращаются в преимущества

В конце XX в. от бывшего «советского народа» отделилась еще одна нетрадиционная часть: «новые русские» – нувориши, внезапно разбогатевшие представители собственно народа. Вчерашний «собственно народ», в одночасье ставший экономической элитой и сохранивший отнюдь не-элитные привычки и черты характера, у «старых русских» вызывает смешанные чувства: зависть, гордость, одобрение и осуждение – ведь все это мы, которым повезло.

Высмеиваются их опереточный «прикид»: малиновый пиджак, золотая цепь на шее, кольца, сотовый телефон; высмеиваются бескультурье, бездуховность и невежество; высмеиваются их тупоумие, жадность и алчность, пресыщенность, толстокожесть, бездушность и показушность; высмеиваются их занудство и доверчивость; высмеиваются даже редкие приступы милосердия новых русских. Тем не менее к некоторым «слабостям», созвучным нашей широкой душе, – купеческому размаху, неумению и нежеланию считать деньги и прочим проявлениям русского максимализма – мы относимся вполне снисходительно.

Если внимательно всмотреться в образ нового русского народа, создаваемый в анекдотах о «новых русских», то, по большому счету, можно убедиться в том, что за исключением внешних атрибутов менталитет нового русского по отношению к менталитету русского вообще («старого») особых изменений не претерпел: это все тот же купеческий размах («максимализм»), вороватость, любовь к халяве и выпивке, доверчивость, низкий уровень общей культуры, любовь к пусканию пыли в глаза, противоречивость характера – щедрость и жадность, тупость и сообразительность и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.

2. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

3. Воркачев С. Г. Родина, правда, смысл жизни : опыт русской лингвоидеологии. Saarbrücken : LAP, 2011. 584 с.

4. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. М. : Изд-во РГГУ, 2003. С. 581–598.

5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.

6. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб. : Академический проект, 1997. 123 с.

7. Хруль В. М. Анекдот как форма массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.

8. Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.

9. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

10. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : ИЦ Наука, 2005. С. 296–301.

11. Dementyev V. V. Russian Anekdoty of 1970s : On the Material of the Soviet Humorous Magazine «Krokodil» // Russian Journal of Communication. 2009. Vol. 2. № 3–4. P. 185–198.

REFERENCES

1. Vorkachev S. G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj kontsept* [Happiness as Lingvocultural concept]. Moscow, 2004. 192 p.

2. Vorkachev S. G. *Lyubov' kak lingvokul'turnyj kontsept* [Love as Lingvocultural concept]. Moscow, 2007. 288 p.

3. Vorkachev S.G. *Rodina, pravda, smysl zhizni: opyt russkoj lingvoideologii* [Birthplace, truth, the sense of life: the experience of Russian linguo-ideology]. Saarbrücken, 2011. 584 p.

4. Belousov A. F. *Sovremennyj anekdot* [Modern anecdote]. *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, 2003, pp. 581–598.

5. Karasik V. I. *Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya* [Anecdote as an object of linguistic study]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demen-tyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 144–153.

6. Kurganov E. Ya. *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre]. St.-Petersburg, 1997. 123 p.

7. Khru' V. M. *Anekdot kak forma massovoj kommunikatsii* [Anecdote as a form of mass communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1993. 19 p.

8. Chirkova O. A. *Poetika sovremennogo narodnogo anekdota* [The poetics of contemporary folk anecdote. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1997. 20 p.

9. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote . Text and speech genre]. Moscow, 2002. 144 p.

10. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot v dvadtsat' pervom veke (transformatsii rechevogo zhanra)* [Russian anecdote in the twenty-first century (the transformation of the speech genre)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection

of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 296–301.

11. Demytyev V. V. Russian Anekdots of 1970s: On the Material of the Soviet Humorous Magazine «Krokodil». *Russian Journal of Communication*, 2009, vol. 2, no. 3–4, pp. 185–198.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике